
Б. О. ДОЛГИХ

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ АРКТИКИ

Основная задача этнографии и антропологии Арктики — установить происхождение населения северной окраины современной эйкумены и истоки его культуры. Сюда входит вопрос о первоначальном заселении Арктики, а также история этнических и хозяйственно-культурных изменений, происходивших здесь вплоть до настоящего времени.

Но прежде чем приступить к рассмотрению этих специальных проблем, необходимо напомнить еще об одном аспекте наших исследований арктических и субарктических народов. Это проблема подъема экономики, культуры и улучшения быта этих народов, дальнейшее развитие всего лучшего, что было создано их самобытной культурой.

Несмотря на то что в последнее время в этом направлении достигнуты известные успехи, в ряде районов Севера все еще требуется в отношении местного населения материальная помощь и общее внимание к его нуждам. В таких обстоятельствах этнографы и антропологи, близко зная хозяйство, условия быта, культуру и психический склад народов Севера, могут оказать им большую помощь как непосредственно на месте, так и содействуя соответствующим государственным и общественным органам в разработке планов и проектов разных мероприятий, направленных на улучшение материального положения и повышение культурного уровня народов Арктики и Субарктики.

Конечно, конкретные материалы и решения, конкретные планы и проекты будут разными в зависимости от местных условий, общественного строя государств и положения самих народов. Но, несомненно, что этнографы и антропологи могут сделать в этой области много хорошего, практически полезного народам Арктики и Субарктики, оправдав этим самым название наших наук как именно гуманитарных дисциплин.

В Советском Союзе этнографы активно участвуют в работе по дальнейшему улучшению условий существования народов Севера и эта деятельность находит живой отклик в государственных и общественных учреждениях, которые принимают во внимание наши материалы и рекомендации. Очень важно, чтобы усилия этнографов и антропологов разных стран, кроме получения научных результатов по специальным вопросам этнографии и антропологии Арктики и Субарктики, принесли бы также практическую пользу тем народам, изучению которых многие исследователи посвятили свою жизнь.

Если мы посмотрим на этнографическую карту арктических областей первой половины XVII в., то увидим, что, собственно говоря, только четыре этнические общности образуют почти замкнутый циркумполярный круг народов от Скандинавии до Гренландии. Это саамы, самодийцы, юкагиры и эскимосы. Если не считать европейцев, то только небольшие группы тунгусов и чукчей в XVII в. вклинивались в эти этнические общности, достигая берегов Северного Ледовитого океана, первые в устье

Оленека, вторые — к востоку от Чаунского залива и западнее устья Колымы. При этом в отношении тунгусов в низовьях Оленека можно с большой долей вероятности утверждать, что они проникли сюда незадолго до XVII в. из более южных районов. Наоборот, в отношении чукчей есть даже предположение, что не они вклинились между юкагирами и эскимосами, а что юкагиры некогда отделили чукчей от коряков. Очевидно, здесь свое последнее слово скажут археология и палеоантропология.

К остальным этническим общностям, населяющим в настоящее время Арктику и Субарктику и живущим здесь уже давно, можно отнести северо-восточных палеоазиатов, алеутов, обских угров, кетов, часть тунгусов, некоторые группы атапасков и алгонкинов и даже некоторые группы якутов и коми.

Перед этнографией и антропологией Севера стоят некоторые свойственные этим наукам общие задачи, на которых мы останавливаться не будем. Но, как и во всякой другой области земного шара, в отношении Арктики и Субарктики перед этнографией и антропологией стоят определенные конкретные вопросы и особые проблемы, специфические для данного района.

Конкретной задачей этнографии и антропологии Арктики и Субарктики в области этногенеза в первую очередь, как нам кажется, является разрешение вопросов происхождения саамов, самодийцев, юкагиров, северо-восточных палеоазиатов и эскимосов. В понятие происхождения этнической общности мы включаем происхождение входящих в нее расовых типов, ее языка и культуры. Совершенно очевидно, что этнография и антропология одни со всеми этими задачами справиться не могут. Здесь нужен тесный контакт этих наук по крайней мере с археологией и языкознанием. Ниже мы всегда будем предполагать наличие такого контакта.

Установление происхождения этнической общности это, в частности, установление ее древних связей, возникших в результате разделений и ответвлений, с одной стороны, и ассимиляций, диффузий, заимствований и других подобных влияний и взаимовлияний, с другой. Для народов Арктики это в значительной степени связи с более южными, существующими и исчезнувшими, этническими общностями Старого Света, а также и связи между собой.

Мы хотим обратить внимание на то, что распространение языков и хозяйственно-культурных форм не всегда совпадает. Как и везде, в Арктике и Субарктике имеются народы, говорящие на разных языках и имеющие единообразные формы хозяйства и материальной культуры, например азиатские эскимосы и береговые чукчи, юкагиры и северные тунгусы, северные кеты и селькулы. Имеются и примеры противоположного характера, когда части народа, говорящие на одном языке, различаются по некоторым своим культурным, в частности хозяйственным, особенностям, например чукчи оленеводы и береговые чукчи, коряки оленеводы и береговые коряки, тунгусы оленеводы и оседлые тунгусы Охотского побережья, эскимосы-карибу и эскимосы охотники на морских животных. Есть и такой пример, когда народы, родственные по языку и имеющие сходное хозяйство, резко различаются в других элементах своей культуры, например ненцы и нганасаны.

Очевидно, чтобы конкретно ответить на вопрос о соотношении языков и культур в Арктике в более или менее отдаленном прошлом, остается лишь путь конкретного изучения истории формирования каждой из этнических общностей Севера и даже их отдельных частей, особенно если они состоят из разных народов, как упомянутые выше самодийцы.

Этнографию самодийцев вообще трудно понять, если не учитывать различия их составных частей. Для этнографии эскимосов большое значение имеет дифференцированное изучение восточных и западных эскимосов, а для этнографии саамов — различия между «морскими» и «горными» саамами и другими их группами.

В связи с вопросом о происхождении народов Арктики обращает на себя внимание основной факт, состоящий в том, что большая часть Арктики первоначально, по-видимому, была заселена представителями монголоидной расы, к которым лишь на севере Европы и отчасти Западной Сибири примешивалась европеоидная раса. Решение вопроса о времени и обстоятельствах смешения в арктической зоне Европы монголоидных и европеоидных элементов, т. е. вопроса о том, заселили ли север Европы европеоидные и монголоидные элементы одновременно или это происходило в какой-то определенной последовательности и в какой именно, позволит внести ясность не только в некоторые чисто антропологические проблемы, но и в некоторые вопросы этногенеза народов Западной Арктики и истории их культуры. В первую очередь сказанное относится к саамам, но отчасти и к самодийцам. Особую проблему представляет вопрос о прибайкальской метисной расе неолитической эпохи, по диагностическим признакам приближающейся к уральской.

Важной задачей, выполнение которой необходимо для разрешения этногенетических проблем, является изучение у народов Арктики расовых типов второго порядка и групп крови. Установление истории образования этих расовых типов и причин распространения тех или иных групп крови решит ряд конкретных вопросов этногенеза народов Севера, и в частности вопрос об имевших место ассимиляционных процессах. Например, нам хорошо известно, что в начале XVII в. в Сибири были роды юкагиров тунгусского происхождения. Были в XVII в. и самодийцы тунгусского и угорского происхождения и т. д. Позже в Сибири произошли и другие ассимиляционные процессы: новые группы тунгусов были ассимилированы самодийцами, юкагирами, якутами; группы юкагиров были ассимилированы тунгусами, якутами и коряками; эскимосы были ассимилированы чукчами и т. д. Но в отношении севера Америки, по данным этнографии, подобных фактов нам известно мало, пожалуй, лишь ассимиляция эскимосов угалахмютов р. Медной (Коппер-ривер) на Аляске тлинкитами. Но возможно, что участием предков индейцев, как и эскимосов в формировании культуры Дорсет, объясняется близость некоторых групп эскимосов Нового Света по группам крови к индейцам в большей мере, чем к своим сородичам — азиатским эскимосам.

Важными проблемами антропологии Арктики и Субарктики являются также вопросы влияния географических условий на физическое развитие его коренного населения в процессе акклиматизации последнего и вопрос о соотношении ископаемых и современных расовых типов и о направлении их эволюции. В качестве факторов, влияющих на физическое развитие населения Арктики, можно отметить: влияние низких температур на пропорции тела, особенности характера питания (в ряде случаев незначительный удельный вес растительной пищи), малочисленность локальных групп и отсюда образование специфической наследственности в микрорайонах. Остаются и ждут своего окончательного решения вопросы особенностей (сходства и различий) расовых типов эскимосов, индейцев и северо-восточных палеоазиатов.

Проблемы субстратных явлений в культуре, языках и физическом типе народов Севера тесно связаны с вопросом о характере и времени заселения Арктики и Субарктики и размерах и характере происходивших

там миграций. Ставя перед собой вопрос о возникновении своеобразных арктических культур, следует, по нашему мнению, иногда учитывать возможность их первоначального образования далеко к югу от современной Арктики в условиях похолодания в периоды оледенений и последующее их распространение на Север в связи с улучшением там климатических условий и отступанием льдов. С другой стороны, большие пространства Арктики даже в периоды наибольшего распространения льдов не были покрыты ими. Такой областью, в частности, были Северо-Восточная Сибирь и Северо-Западная Америка. Возможно, что это обстоятельство имело решающую роль для заселения Америки через область Берингова пролива и что именно здесь складывались некоторые черты современных арктических культур.

В общем же, очевидно, надо иметь в виду две возможности, имевшие место в процессе заселения человеком Севера. Его «арктическая» культура могла сложиться в периоды похолодания далеко на юге и, двигаясь на Север, она изменялась сравнительно мало, поскольку человек оставался в общем в старых, привычных для него климатических и хозяйственных условиях. Но человек мог проникнуть на Север, имея культуру другого характера, приспособленную к другим условиям, и только по пути или даже уже после прихода в Арктику приспособиться к новым условиям. Культурой первого типа, вероятно, является культура северо-восточных палеоазиатов, культурой второго типа — юкагиров, самодийцев и, пожалуй, как это ни странно, эскимосов.

Большие изменения в культуры арктических народов вносило проникновение новых видов хозяйства. Пожалуй, наиболее существенные перемены за последнее время принесло с собой на Север оленеводство.

Если заселение некоторых районов Арктики шло в одинаковых естественно-исторических условиях по мере отступления тундры дальше на Север, то, очевидно, что таким образом человек мог распространиться до самого побережья Северного Ледовитого океана, еще не имея лыж.

Поскольку в Старом Свете Восточная Сибирь не была покрыта ледяным щитом, здесь раньше всего могла возникнуть на Крайнем Севере долыжная культура арктических охотничьих племен. Отсюда эти монголоидные охотники и могли, используя вместо нартов обледенелые шкуры-волокуши, распространиться по той же полосе тундры и лесотундры на запад вплоть до Кольского полуострова.

По всей вероятности, заселение северной окраины эйкумены было многократным актом. В основном этот процесс осветит археология и, может быть, лингвистика. Итог этого процесса нам известен. Что же может здесь сказать этнография? Как далеко она может проникнуть в эти процессы по сравнению с археологией и лингвистикой?

Выше мы уже отметили ряд случаев, основанных на данных этнографии, когда в Старом Свете локальные группы одних этнических общностей были поглощены другими. Число таких примеров можно было умножить. Это явные случаи поглощения ассимиляции одних этнических общностей другими. Но есть случаи, когда такие явления устанавливаются лишь путем специальных исследований. Возможно, например, наличие юкагирского субстрата у северных самодийцев и тунгусов, селькупского — у кетов и т. д. Особенно большую роль проблема субстрата играет в исследовании происхождения уральских — финских, угорских и самодийских народов Арктики и Субарктики. Но не исключена она и в отношении палеоазиатов. Помимо того, что чукчи ассимилировали большое число эскимосов, возможно, что коряки и ительмены тоже включили в свой состав некоторые эскимосские группы. Для американ-

ских эскимосов, возможно, как считает Рейни¹, роль субстрата играет палеоэскимосская культура Ипиутак-Дорсет, этническая принадлежность носителей которой нам впрочем неясна. Если это действительно эскимосская культура, то придется, может быть, признать, что предки эскимосов в Новом Свете, как и предки юкагиров в Старом Свете, кое-где рассеялись в еще не заселенных человеком пространствах.

Но надо оговорить, что роль субстрата в образовании позднейших культур может быть различна. Так, хотя чукчи, ассимилировав часть азиатских эскимосов, передали им свой язык и ряд элементов культуры, все же в культуре прибрежных чукчей имеется много эскимосских элементов, особенно в технике морского зверобойного промысла. С другой стороны, хотя нам доподлинно известно, что чукчи во второй половине XVIII и в XIX в. заняли бассейны рр. Анадыря, Чауна и др., вытеснив и частично ассимилировав живших там юкагиров, следов юкагирской культуры среди оленных чукчей не обнаруживается. Нганасанами были в течение XVIII—XIX вв. ассимилированы значительные группы тунгусов, но кроме устной традиции никаких других признаков включения в состав нганасан тунгусов не устанавливается. Наоборот, ассимиляция якутами тунгусов в бассейнах Хатанги и Оленека явственно прослеживается в культуре якутов этих районов. Нам известны большие группы ассимилированных ненцами энцев, но в материальной культуре энецкое происхождение этих групп не отразилось и т. д. На некоторых общих чертах культуры самодийцев и эскимосов мы еще остановимся ниже.

В целом же можно констатировать, что этнография может дать много конкретных примеров того, как происходит образование субстратных явлений, но не всегда может выделить их по данным только материальной культуры. Необходима дальнейшая разработка методики сравнительно-этнографического изучения культур, которая, с одной стороны, обусловила бы большую искренность анализа, а с другой — способствовала бы повышению достоверности выводов и предположений.

Для решения вопроса о путях заселения Арктики и Субарктики важное значение может иметь изучение направлений и причин миграций на Севере. Такие исследования могут помочь, по нашему мнению, установить пути, по которым двигались на Север более ранние его обитатели.

В Сибири, в частности, выявляется несколько таких закономерностей. Например, в Средней Сибири основные направления миграций с XVII по XIX в. образуют как бы треугольник, вершина которого находится в районе устья Енисея, а высотой является сам Енисей. К западу от Енисея миграции XVII—XIX вв. направлялись главным образом с юго-запада на северо-восток, а к востоку от Енисея — главным образом с юго-востока на северо-запад.

Представляется возможным наметить общую схему известных миграций в Арктике и Субарктике с тем, чтобы, объяснив их, перенести полученные закономерности в более отдаленное прошлое. Достойный изучения объект представляет и, так сказать, сам механизм миграций. Нам неизвестны случаи переселения целиком целых народов и тем более ряда соседних народов в одном направлении и в одной последовательности. Обычно этническая общность в целом оставалась на месте, а переселялась лишь часть ее, большей частью наиболее окраинная группа. Причем это переселение иногда связано с рутинной сезонной перекочевкой, но вместо того, чтобы возвратиться, например, с летних стойбищ обратно на зимние, группа уходила на зиму еще дальше и так

¹ Ф. Рейни, Археология Американской Арктики, «Сов. этнография», 1958, № 2.

происходил один из этапов переселения. Бывало и так, что после того как часть этнической группы уходила и все больше расширяла свою территорию, оставшаяся часть поглощалась другими народами и в конце концов переселившаяся группа становилась единственным представителем данной этнической общности. Такие случаи имели место в Сибири с уграми, самодийцами, кетами, отчасти с тунгусами и юкагирами.

Очень часто в этнографических и археологических миграционистских построениях фигурируют переселения под натиском других народов. Не отрицая возможности таких случаев, следует заметить, что миграции, в результате которых образовывались устойчивые этнические группировки в новых районах, обычно не являлись переселением вытесненных обществ. Наоборот, именно такие этнические общности, которые были сильнее других, переселяясь, создавали новые устойчивые группировки, успешно ассимилировавшие окружающее население. Что касается беглецов, то они, как правило, поглощались тем окружением, в которое попадали. Тенденция объяснять переселения и образование новых народов вытеснением или бегством восходит еще к античной традиции и часто встречается в фольклоре, но вряд ли она верна для большинства случаев миграции.

Само обитание на северной окраине эйкумены, т. е. отсутствие соседних человеческих обществ с севера, могло наложить свой отпечаток на культуру обитателей Арктики, в частности, на их идеологию и психический склад. Люди приходили на север, но уходили оттуда редко. Эти немногочисленные примеры мы приведем ниже. Но по крайней мере в Старом Свете, а если судить по группам крови, то и в Новом, население северной окраины эйкумены все время пополнялось за счет новых пришельцев. Этим восполнялась убыль населения Арктики, вызванная тяжелыми естественно-географическими условиями существования в этой зоне. Но это обстоятельство отражалось на физическом типе населения Севера и, вероятно, влияло на его культуру даже в тех случаях, когда не происходило полного изменения этнического облика населения. Во всяком случае возможность таких явлений надо учитывать.

Значение этнографии Арктики для нас заключается также в том, что предки арктических народов заселили окраину эйкумены и создали (или сохранили) там оригинальную самобытную культуру, изучение которой играет важную роль в решении общих проблем прогрессивного развития человечества на ранних ступенях его истории. Собственно говоря, здесь мы нашли человека, жившего еще в условиях ледниковой эпохи. Общеизвестны построения, проводящие параллели между хозяйством и бытом народов Арктики и хозяйством и бытом обитателей Европы в эпоху палеолита, в частности с культурой Мадлен.

Конечно, вряд ли можно говорить о прямой связи между населением современной Арктики и людьми европейского палеолита. Но то, что сходные естественно-географические условия могли в прошлом вызвать к жизни и сходные формы в производстве и быте, все же остается возможным.

Сказанному выше об убыли населения Севера и его пополнении новыми выходцами с юга не противоречит тот факт, что заселение ряда больших областей к югу от арктической зоны происходило с севера. Важнейшим примером такого рода является заселение Америки ее первоначальными обитателями. Другими аналогичными примерами являются заселение Камчатки северо-восточными палеоазиатами, распространение древних монголоидов по обоим берегам Балтийского моря, эскимосов с севера Гренландии на юг, чукчей из бассейна Амгуемы на

Анадырь и далее на юго-запад и, наконец, распространение некоторых родов тунгусов с Вилюя и средней Лены на Алдан и в бассейн Амура. Таким образом, обитатели Арктики и Субарктики не только приспособились к северным условиям и освоили эти зоны, но и сыграли существенную роль в заселении некоторых более южных областей.

Следовательно, первоначальное заселение Америки — это частный случай возвращения обитателей арктической, может быть точнее субарктической зоны на юг в умеренные и позже даже в жаркие широты. Конечно, в этом длительном путешествии они утратили свой северный опыт, и огнеземельцам, очевидно, предстояло многое изобрести заново, хотя, как мы знаем, дело у них шло в этом направлении не очень успешно. Но они могут быть как бы свидетельством того состояния, в каком человек в свое время мог появиться кое-где в условиях, близких к субарктическим.

Большой проблемой в этнографии Арктики является вопрос о характере древнейшего хозяйства его обитателей. Общеизвестно замедленное развитие хозяйства народов Арктики и Субарктики до недавнего прошлого вследствие неблагоприятных естественно-географических условий. В результате там сохранялось много архаичного. Только оленеводство в Старом Свете, как мы уже указали, несколько изменило первоначальный характер хозяйства ряда народов еще в сравнительно отдаленном прошлом.

До сих пор, исходя преимущественно из типа хозяйства преобладающей части эскимосов, элеутов, береговых чукчей, части береговых коряков и «морских» саамов, циркумполярная арктическая культура представлялась в основном как культура охотников на морских животных. Вместе с тем от внимания исследователей не ускользнули три важных обстоятельства.

У эскимосов, наряду с охотой на морских животных в открытой воде или на льду у дыхательных отверстий, существовала также охота на диких копытных (северный олень, карибу, мускусный бык). Охота на оленей обеспечивала, в частности, эскимосов необходимыми для одежды и жилища шкурами. У эскимосов карибу такая охота еще недавно являлась даже главным занятием.

Несомненен и тот факт, отмеченный, например, Ч. Чардом², что в пространстве между устьем Колымы и Ямалом морской зверобойный промысел никогда не был главным занятием населения Арктики. Можно эту область даже расширить до мыса Рыркарпий на востоке и Карских ворот на западе.

И, наконец, по всей арктической зоне Старого Света, и по этнографическим и по фольклорным данным, главным занятием в прошлом, как это еще указал П. Н. Третьяков³, была охота на диких северных оленей, известная, как мы знаем, и обитателям арктической зоны Америки.

Среди многочисленных фольклорных данных, связанных с охотой на дикого северного оленя в северной Евразии, хочется обратить внимание на легенды о человеке-диком олене Мяндаше у саамов, на фольклор энцев и иганасан, где охота на дикого оленя проходит красной нитью через все наиболее архаичные произведения их народного творчества, на, видимо, юкагирский по происхождению так называемый оленекский

² Ch. S. Chard, The western roots of Eskimo culture, «Actas del XXXIII Congreso International de Americanistas», т. II, San Jose, 1959.

³ П. Н. Третьяков, Первобытная охота в Северной Азии, «Изв. ГАИМК», вып. 106, 1935.

хосунный эпос, среди которого выделяются легенды о народе маятов, очень полно воспроизводящие жизнь этих охотников на диких северных оленей и дающие материал для реконструкции этой культуры.

По-видимому, именно охота на дикого северного оленя и позволила человеку освоить огромные арктические пустыни и, если говорить о циркумполярной культуре, то ею была в первую очередь культура охотников на дикого северного оленя. Среди различных способов охоты на диких северных оленей, зафиксированных этнографией, один заслуживает нашего особого внимания, а именно охота на переправах оленей через водные рубежи. Это была наиболее продуктивная охота при том уровне развития производительных сил, на котором находились человеческие группы, осваивавшие Арктику и Субарктику. Несколько дней такой охоты могли обеспечить продуктами питания на значительную часть года, нужно было лишь суметь их сохранить.

Древнейшие приемы охоты этого типа на диких оленей, особенно такие, которые могли бы иметь место еще при отсутствии челноков, заслуживают самого пристального внимания этнографов. Этот материал может пролить свет и на технику охоты Мадлена, тоже развивавшейся в сходных естественно-географических условиях, но производившейся, видимо, не копьями, а гарпунами и без челноков, и тем самым способствовать лучшему пониманию ранних этапов хозяйственного развития также и древних обитателей Западной Европы.

Большой интерес представляет также способ охоты на диких оленей при помощи ям. Он отмечен по археологическим данным у скандинавских саамов, а этнографией зафиксирован у кетов на Енисее и у американо-эскимосов. Этнографам необходимо также уделить внимание изучению таких способов коллективной охоты, как загон диких оленей в кожаные сети, организация облав, устройство изгородей с самостредами, а также различным приемам, употребляемым в разных частях Арктики и Субарктики при индивидуальной охоте на диких копытных.

Если принять гипотезу о том, что охота на диких северных оленей представляет хозяйственную основу древнейшего населения Арктики, то этим не снимается проблема возникновения и развития там морского зверобойного промысла. Охота на морских животных (тюленей, моржей, китов) была давно известна и в Беринговом и в Баренцевом морях. Но, возможно, придется все же встать на точку зрения существования двух центров возникновения и развития морского зверобойного промысла: одного в Беринговом и другого — в Баренцевом море. Вместе с этим встают вопросы об абсолютной хронологии возникновения этих культур, об обстоятельствах их возникновения, в особенности об их южных связях и о наличии или отсутствии связей между обоими, указанными выше районами развития этого промысла. Короче говоря, необходимо поставить и разрешить вопрос о возможности конвергентного происхождения обеих культур морских охотников, показав при этом их сходство и различие.

В связи с проблемой истории культур охотников на дикого оленя и морских зверобоев стоит вопрос о культуре зимних рыболовов арктической и субарктической зоны. Имеющиеся этнографические материалы по Северной Сибири свидетельствуют в общем в пользу того, что охота на диких копытных играла в целом большую роль, чем рыболовство у прорубей. Долбление льда даже с помощью стальной пещи является нелегкой работой. Подледное рыболовство могло иметь большое хозяйственное значение главным образом осенью. Только оседлое население у рыбных озер могло растянуть его также на часть зимы.

Но если зимнее подледное рыболовство не было ведущей отраслью хозяйства обитателей Севера, тем не менее вопрос об его развитии, распространении и хозяйственном значении представляет большой интерес. Возможно, что и эскимосская охота у дыхательных отверстий во льду частично была технически подготовлена опытом зимнего рыболовства у прорубей и что эскимосская культура, которая сложилась в районе Берингова моря и затем распространилась вдоль всего северного побережья Америки, представляет синтез культур охотников на диких оленей, зимних рыболовов и культуры южного происхождения, способствовавшей развитию у эскимосов и алеутов их замечательных навыков морской охоты в открытой воде.

Самой поздней большой хозяйственной системой, пришедшей на Крайний Север и успевшей распространиться лишь в пределах Старого Света, было оленеводство. В советской этнографии господствует гипотеза Г. М. Василевич и М. Г. Левина⁴ о двух основных центрах его развития: западном (саянско-самоедском) и восточном (забайкальско-тунгусском). Чукотско-корякское оленеводство с этой точки зрения рассматривается как заимствование от тунгусов, правда значительно модифицированное. Но есть мнение о самостоятельном возникновении чукотско-корякского оленеводства в сравнительно позднее время. Неясно происхождение и саамского оленеводства, хотя влияние самодийцев здесь не исключено. Существует также проблема древних связей самодийского и тунгусского оленеводства. Еще в середине XVII в. в Восточных Саянах имел место контакт между саянскими оленеводами и тунгусами, причем даже известны случаи приобретения оленей последними у первых. Возможно, конечно, что эти контакты и отношения сравнительно позднего происхождения, но все же их игнорировать не следует.

Обращаясь к другим элементам материальной культуры арктических народов, мы хотели бы остановиться на следующем. Наиболее архаичным и широко распространенным из подвижных жилищ арктической зоны является коническое сооружение, которое лучше всего называть чумом. В устройстве чума имеются весьма архаические черты, которые позволяют видеть в нем соединение вешала для сушки мяса и рыбы с ветровым заслоном. Своеобразны внутренняя планировка этого жилища; устройство очага, традиции, связанные с очагом, номенклатура разных категорий шестов и традиции, связанные с ними и с приспособлениями для подвешивания котлов над огнем, и т. д.

Все связанное с этим типом жилища заслуживает специального сравнительного изучения у разных этнических групп, например нганасан и эскимосов-карибу и т. д. Каменные сооружения эскимосов имеют аналогии в каменных обрядовых сооружениях нганасан и энцев. Подземные жилища, характерные для морских зверобоев зоны Берингова пролива, могут быть сопоставлены с разными типами полуподземных жилищ континентальной Сибири.

Различные комплексы и особенности одежды арктических народов были исследованы Хаттом⁵. Здесь хотелось бы напомнить о сходстве одежды энцев и нганасан Таймыра и эскимосов Канады. При этом вероятно, что прототипом в данном случае является энецко-нганасанская одежда, которая в свою очередь восходит, видимо, к одежде, обычно

⁴ Г. М. Василевич, М. Г. Левин, Типы оленеводства и их происхождение, «Сов. этнография», 1951, № 1.

⁵ G. Hatt, North American and Eurasian Culture Connections, «Proceedings of the 5 Pacific Scientific Congress», т. 4, Canada, 1933, University of Toronto Press, 1924.

называемой «тунгусской». Известный «тунгусский фрак» с передником в арктической зоне превратился в энецко-нганасанскую глухую парку, из которой, видимо, впоследствии развивалась и эскимосская глухая одежда. Но, вероятно, этому типу одежды у предков энцев, нганасан и эскимосов предшествовали другие, более примитивные.

Обращают также на себя внимание султаны на капюшонах у нганасан, энцев и эскимосов. При этом у нганасан и энцев этот султан (сунгуку, нока) является признаком, который отличал их, «настоящих людей», от остальных — ненцев, тунгусов и т. д. В целом можно предполагать, что в области сравнительного изучения жилищ и одежды народов Арктики и Субарктики нас еще ждут большие неожиданности.

Поскольку морская охота эскимосов производилась с каяков, а охота обитателей Севера Сибири на диких оленей с «веток» (челноков), причем нганасаны рассказывают, что их предки имели кожаные челноки, приобретает также значение сравнительное изучение конструкции лодок (челноков) у всех народов Арктики, которое тоже может бросить свет на некоторые древние культурные связи.

Отметим одну деталь. Тальбицером⁶ было обнаружено любопытное сходство между саамской колотушкой для бубна и одним эскимосским шаманским приспособлением. Следует в дополнение к этому сказать, что данный предмет, вернее его навершие, имеет полную аналогию в нганасанском пешеходном посохе.

Может быть мы недостаточно уделяли внимания привычкам и психологическим особенностям, выработывавшимся у коренных обитателей Арктики. Мы знаем, что для недавнего прошлого этих народов были характерны сыроедение, привычка проводить время вне чума несмотря на морозы, некоторое пренебрежение к жизненным удобствам, общий характер быта как бы на бивуаке и т. п. Эти детали особенно бросались в глаза зимой там, где, например, самодийцы соседнили с тунгусами. Самодийцы после целого дня, проведенного на ветру и холоде, после того как уже был поставлен чум, еще часами оставались на морозе, занятые какой-либо работой или просто развлекаясь.

Исследователи отмечали беспомощность лесных жителей в тундре. Для них выход в тундру был трудным шагом, хотя в Сибири переход больших групп населения из лесов дальше на север в тундру кое-где происходил уже в XVIII—XIX вв. Но зато выход в тундру открывал более широкие возможности для поисков добычи и для распространения по этой зоне на восток и запад. Этим обстоятельством, вероятно, в значительной степени объясняется относительно быстрое распространение эскимосов на восток, самодийцев на запад и восток и элементы сходства культур по всей циркумполярной зоне.

В этой связи хотелось бы еще раз указать на необходимость сравнительно-этнографического изучения восточных самодийцев (энцев и нганасан) и эскимосов, в частности эскимосов-карибу. Было бы желательным произвести специальный сравнительный анализ культур этих народов с тем, чтобы окончательно решить, имеет ли под собой внешнее сходство некоторых элементов культуры этих народов достаточно глубокие исторические корни. Большой интерес представляет и реконструкция древних форм культуры самого большого из самодийских народов, ненцев, которая, вероятно, отличалась от известных нам ее поздних форм.

⁶ W. Thalbitzer, Parallels within the Culture of Arctic peoples, «Annales do XX Congresso de Americanistas», Rio de Janeiro, 1924.

В истории эскимосов важнейшей проблемой, очевидно, продолжает оставаться история формирования культур Берингова моря и их распространение вдоль арктического побережья Америки на восток. Здесь хотелось бы обратить внимание на двойственное положение эскимосов среди других обитателей циркумполярной зоны. С одной стороны, они звено в цепи азиатских и американских народов, расположенных по обеим сторонам Берингова пролива по берегам Тихого океана. С другой стороны, берингоморские эскимосы — это очаг образования нового этноса, распространившегося на восток по берегу Ледовитого океана. Таким образом, предкам берингоморских эскимосов, может быть, обязаны своим происхождением не только остальные эскимосы. Вероятно, и индейцы обеих Америк представляют ответвление тех ранних обитателей «Берингии», т. е. области Берингова пролива, которые могли явиться также одним из компонентов первоначального ядра эскимосов.

Мы не будем специально останавливаться на проблемах социального строя и духовной культуры арктических народов. Отметим лишь, что для севера Старого Света в сравнительно недавнее время типичными являлись различные формы патриархально-родового строя, иногда со значительными пережитками материнско-родовых отношений. Недавно отцовские роды были Г. А. Меновщиковым⁷ и Д. А. Сергеевым⁸ установлены и у азиатских эскимосов. Усматриваются следы и пережитки родового строя и у американских эскимосов⁹. Исключение до сих пор представляют в Северной Азии лишь северо-восточные палеоазиаты, у которых пока почти никаких следов родового строя не обнаружено. Джессинг¹⁰ у «морских» саамов и северных алгонкинов устанавливает в качестве основы социальной организации, якобы типичной для Арктики, группы («банды») в 30—50 чел. с билатеральным счетом родства. Но, вероятно, это уже результат распада древних родовых общественных отношений.

В общем в области изучения древнего социального строя арктических народов перед нами все еще стоит задача дальнейших исследований, а также анализа, сопоставления и обобщения как новых, так и уже имеющихся материалов. В отношении изучения духовной культуры арктических народов у самодийцев удалось вскрыть интересные древние верования в «матерей» земли, воды, солнца и т. д., отражающие, вероятно, идеологию материнско-родового общества в Северной Азии. Эти данные могут быть сопоставлены с образами сверхъестественных существ у эскимосов: «матерью моря», «старой женщиной», «Седной», «матерью карибу», «лесной хозяйкой». Прделана уже большая работа по исследованию религии тунгусов, кетов, обских угров и народов Амура. Любопытные аналогии обнаружены между шаманскими атрибутами саамов и алтае-саянских народов.

Предстоит еще окончательная разработка проблемы фольклорных связей народов Арктики. В частности, все еще стоит вопрос о генезисе общего для индейцев Северо-Западной Америки и северо-восточных палеоазиатов цикла рассказов о Вороне. Особенный интерес представ-

⁷ Г. А. Меновщиков, О пережиточных явлениях родовой организации у азиатских эскимосов (из полевых наблюдений), «Сов. этнография», 1962, № 6.

⁸ Д. А. Сергеев, Пережитки отцовского рода у азиатских эскимосов, «Сов. этнография», 1962, № 6.

⁹ Л. А. Файнберг, К вопросу о родовом строе у эскимосов, «Сов. этнография», 1955, № 2; Ch. Hughes, An Eskimo deviant from the Eskimo type of social organisation, «American Anthropologist», 1958, № 6; его же, An Eskimo village in the modern World, Ithaca, 1960.

¹⁰ G. Giessing, Circumpolar Social Systems, «Acta Arctica», fasc. XII, Copenhagen, 1960.

ляет вопрос об отношении к этому циклу эскимосского фольклора, в котором мифы о Вороне, по мнению Е. М. Мелетинского¹¹, заимствованы от северо-восточных палеоазиатов и от индейцев.

Как нам кажется, фольклор является источником, помогающим нам заглянуть в очень отдаленное прошлое народов Арктики и Субарктики. Мы уже указывали, что такая ранняя ступень развития народов Севера, которую можно условно назвать культурой охотников на дикого оленя, нашла очень полное отражение в большом числе фольклорных сюжетов и образов на севере Евразии.

Дальнейшее изучение фольклора, установление распространения его основных сюжетов, образов и героев, систематизация и анализ всего этого материала являются актуальными задачами этнографии народов Арктики и Субарктики. Здесь мы можем установить новые и неожиданные факты и сделать существенные выводы по различным проблемам истории культуры и происхождения народов Севера.

В целом, как мне кажется, важнейшей проблемой для развития этнографической науки об арктических народах является создание их истории, внесение историзма в этнографию. В первую очередь необходимо: 1 — установление основных этапов расселения человека по современной северной окраине эйкумены; 2 — разработка конкретной истории арктических народов, в первую очередь саамов, самодийцев, юкагиров, эскимосов с алеутами и северо-восточных палеоазиатов.

Без внесения последовательного историзма в нашу науку очень трудно правильно оценить то, что мы наблюдаем как полевые этнографы, и то, что мы хотим реконструировать по этим нашим материалам, т. е. то, что было на Севере еще сравнительно недавно. Этнография — это в первую очередь история, правда история, пользующаяся несколькими средствами по сравнению с исторической наукой в обычном смысле этого слова. Но мы привлекаем и обычные, чисто исторические материалы, такие, например, как документальные данные учреждений, имевших дело с народами Севера.

Если бы такой известный исследователь, как, например, Широкогоров¹², лучше был знаком с архивными данными, то он узнал бы, что некоторые передвижения тунгусов с Севера, которые он относил к глубокой древности, представляют переселения, имевшие место сравнительно недавно.

Важную задачу, как мы уже указали, представляют реконструкции от современности в глубь прошлого. Мы не можем не считаться с такими фактами, что народы Севера испытали долговременное влияние как европейцев, так — и притом особенно продолжительное — со стороны своих более южных соседей. Восстановление истинного характера древних обществ и их культуры у народов Арктики представляет благодарную и важную задачу. До сих пор мы точно не знаем, какова была древняя самобытная культура юкагиров. Ведь та материальная культура юкагиров, которая была изучена Йохельсоном¹³, почти неотличима от культуры тунгусов. Конечно, возможно, что тунгусы, распространяясь по Северной Сибири, в свое время усвоили культуру юкагиров, а не наоборот, как обычно предполагается. Для решения этого частного, но очень важного вопроса нужно специальное исследование и, вероятно,

¹¹ Е. М. Мелетинский, Происхождение героического эпоса, М., 1963.

¹² S. M. Shirokogoroff, Social organization of the Northern Tungus, Shanghai, 1933.

¹³ W. Jochelson, The Jukaghir and the Jukaghirized Tungus. «The Jesup North Pacific expedition, Memoir of the American Museum of Natural History», т. IX, Leiden — New York, 1926.

последнее слово здесь скажет археология, которая в условиях вечной мерзлоты может дать науке исключительной важности материалы.

На наших глазах изменилась в Северной Сибири культура энцев. Еще в XIX и в начале XX в. материальная культура тундровых энцев была близка нганасанской, а теперь она стала ненецкой. Такие заимствования и другие изменения древних типов культуры всегда надо иметь в виду в историко-этнографических исследованиях. Но эти изменения и представляют те внешние признаки развития, которые так хорошо можно проследить в эволюции различных старых эскимосских культур. В общем осторожная научная реконструкция должна стать одной из форм подведения итогов наших исследований.

Очень важным для наших целей представляется дальнейшее расширение контактов между этнографией, антропологией, археологией и лингвистикой. Не следует также забывать, что археология и этнография в Арктике еще недавно стояли рядом и что там были и кое-где еще есть люди, которые могли показать, как пользоваться тем или иным ископаемым орудием. Это обстоятельство делает укрепление контактов между этнографией и археологией в Арктике особенно перспективным, но требует широкого и планомерного археологического исследования Севера, что для многих областей сделано еще недостаточно. Главнейшей лингвистической проблемой следует считать вопрос об отношении к уральской языковой семье юкагирского и эскимосского языков.

Важным источником, позволяющим заглянуть в довольно отдаленное прошлое народов Арктики, как мы уже указали, являются также архивные документы. Они прямо или косвенно могут засвидетельствовать такие факты, которые уже давно нельзя установить методами полевой этнографической работы. При этом не обязательно это должны быть этнографические описания любознательных путешественников, миссионеров, торговцев, военных и т. д. Обычные деловые документы — отчеты факторий, деловая переписка, отчеты и переписка государственных учреждений и т. п. дают иногда ценнейшие этнографические сведения. В этой связи хочется обратить внимание на церковные материалы. Благодаря, например, спискам прихожан удается установить территориальное размещение населения и составляющих его этнографических единиц, численность этого населения, его возрастной и половой состав и другие сведения для весьма отдаленного прошлого. Благодаря записям браков удается выявить экзогамные нормы и конкретные экзогамные группы у существующих в настоящее время и даже у исчезнувших к настоящему времени популяций. Этими же сведениями можно проверить полевые материалы об экзогамных нормах и группах — данными, зафиксированными 150—200 лет тому назад. Правда, обращение к архивным материалам не всегда встречает понимание и благожелательное отношение «чистых» этнографов, но надо надеяться, что такие предубеждения будут преодолены.

Наконец, хотелось бы обратить внимание на вопросы унификации терминологии, особенно в переводах. Например, такое характерное жилище, как упомянутый выше чум, некоторые русские авторы именуют то шалашом, то юртой, а пишущие по-английски tent, т. е. палаткой. Но так как некоторые жители Северной Азии живут в чумах, а другие (уже довольно давно) в палатках, то отсутствие специального термина для чума может привести к путанице. Скорее уж чум следовало бы называть типи (конструктивно они довольно близки), а шалаша отождествлять с вигвамом и т. д. Особенно много вопросов возникает в связи с транскрипцией названий народов и племен, которую следовало бы

унифицировать и согласовать между антропологами и этнографами, пишущими на разных языках.

Задачей этнографии и антропологии Арктики, как и всякой науки, является установление, систематизация, анализ и обобщение фактов. На основе систематизированных, проанализированных и обобщенных фактов наши науки делают выводы о прошлых судьбах человечества, о закономерностях его развития на северной окраине эйкумены.

В целом мы констатируем поступательное, прогрессивное развитие человечества даже в этой отдаленной и суровой зоне нашей планеты. Одни культуры сменяли другие или под влиянием внутреннего спонтанного развития или под влиянием извне. Иногда изменения происходили вследствие появления новых этнических элементов. Как и почему все это происходило — и должна дать ответ наша наука. Здесь перед нами еще много интересных и сложных задач.

Вместе с тем как отряд интеллигенции, близко соприкасающийся с повседневной жизнью и нуждами коренных обитателей Севера и обладающая специальными знаниями о прошлом и настоящем этих народов, этнографы могут сделать многое для того, чтобы народы Арктики и Субарктики вместе со всем человечеством еще быстрее двигались по пути прогресса.

SUMMARY

The main objectives of the ethnography and anthropology of the arctic and subarctic regions are the origin of the population of these regions, its racial types, their culture and the ethnic, economic and cultural changes that have been taking place there.

At the same time it is the ethnographers' and anthropologists' duty to promote the development of the economy, the progress of culture and the improvement of the ways of living of the peoples of the arctic and subarctic regions.

The principal ethnic groups in the arctic region are Saami, Samodians, Yukaghirs, Eskimoes and north-eastern Paleo-Asiatics. The inhabitants of the subarctic region are Aleuts, the Ob Ugrians, contemporary Kets, part of the Tungus, Atabasks, Algonkins and some groups of Yakuts.

Among the most important problems of anthropology of these regions are problems of time and circumstances of penetration of Mongoloids to the North and their mixing with Europoids, the problem of the Baltic metis race, the study of the races of the second order and of blood groups, of similarities and differences between the racial types of the Eskimoes, the Indians and the north-eastern Paleo-Asiatics.

Of great importance are also questions of the influence of geographical conditions on the physical development, the correlation between the fossil and the modern types, etc.

An important role in the development of the present-day population of the arctic and subarctic regions was played by assimilation processes, which must always be taken into account. It is also necessary to study the mechanism of migrations and their causes.

In studying the origin of the arctic cultures the possibility must be assumed of their rise far in the south in colder periods and their subsequent spread to the north as quite formed cultures. But there is also the possibility of penetration to the north of ethnic groups with cultures formed in more favourable climatic conditions and compelled comparatively quickly to adapt themselves to the new arctic environment.

As for the circumpolar culture, this was probably the culture of the wild reindeer hunters. The culture of the hunters of sea animals seems to have developed independently in two areas — the Bering and Barents Seas. Ethnographers of the arctic regions must pay more attention to the techniques of hunting reindeer as well as to the reflection of this oldest occupation of the inhabitants of these regions in the religious beliefs and folklore.

There also remains the question of appearance and spread of fishing under ice and its possible influence on the development of hunting on ice near breathing holes. Fur-

ther investigation should also be made of the history of development of reindeer-breeding, especially among the Chukchi and Saami.

More attention should be paid to comparative study of ancient types of dwellings, especially skin tents, clothes and a number of other elements of material culture, as well as religious beliefs and folklore, throughout the entire circumpolar zone.

The elaboration of the problem of the social system of the arctic and subarctic peoples must be continued, using the method of scientific reconstructions and the information contained in folklore and in written sources.

Of much interest is the recently established matriarchal nature of religious beliefs of the Nganasans and Ents. Comparative study of the ethnography of these peoples and of the Eskimos is desirable.

An important problem in the development of the ethnography of the arctic peoples is the reconstruction of their history, the use of historic method in ethnography. Otherwise it is very difficult to appraise correctly what we observe as field ethnographers and anthropologists and to reconstruct what existed in the north in its comparatively recent past and what took place in distant times.